

случается, что человеку великодушному его творения всегда кажутся лучше, чем они есть на самом деле, а чужие – хуже; малодушному же его произведения всегда кажутся малоценными, чужие же ценятся им высоко; почему многие и презирают собственный народный язык и высоко ценят чужой. Все эти люди в Италии – отвратительные злодеи, принижающие наш драгоценный народный язык, который если в чем и бывает низок, то лишь когда он звучит в продажных устах этих прелюбодеев; а они и есть поводыри тех слепцов, которых я упоминал, говоря о первой причине.

ХII.

Если бы на глазах у всех из окна дома вырвались языки пламени и если бы кто-нибудь спросил, не горит ли дом внутри, а другой ему ответил, что горит, я так и не мог бы решить, кто из них достоин большего порицания. Не иначе выглядел бы и я, если бы на вопрос, живет ли во мне любовь к моему родному языку, я после всех приведенных выше соображений ответил бы просто «да». Однако, чтобы показать, что во мне живет не только любовь к этому языку, но и любовь совершеннейшая, и дабы уличить его противников, обращаясь к тем, кто отлично меня поймет, я расскажу, каким образом я сделался его другом, а затем о том, как эта дружба укрепилась. Как явствует из книги Туллия «О дружбе», где он не расходится с учением Философа, развитым этим последним в восьмой и девятой книгах «Этики», друг и его достоинства суть естественные причины, порождающие любовь; благодеяния же его, изучение его и привычка к нему – причины, умножающие любовь. И все эти причины были налицо, породив и укрепив то чувство, которое я питаю к моему народному языку, как я это вкратце и докажу.

Всякая вещь тем ближе другой, чем более она с ней связана: так, сын наиболее близок отцу; из всех искусств врачу и музыканту наиболее близки врачевание и музыка, с которыми они связаны больше, нежели с другими искусствами; из всех мест на земле человеку всегда ближе то, где он живет, с чем он соединен. Так и народный язык тем ближе человеку, чем больше он с ним связан, так как он один, и только он, прежде какого-либо другого живет в душе и так как он связан с человеком не только сам по себе, но и в силу внешних обстоятельств, поскольку это язык самых близких ему людей, как-то родичей, сограждан и соплеменников. Вот что такое народный язык, который каждому не просто близок, но в высшей степени близок. Поэтому если, как говорилось выше, близость есть семя любви, то очевидно, что она была одной из причин любви, питаемой мной к моему родному языку, который мне ближе всех других. Вышеназванная причина и породила у людей обычай, согласно которому наследуют только первенцы, как более близкие именно потому, что они более близкие и более любимые.

Далее, его достоинства сделали меня ему другом. При этом надо помнить, что достоинство, присущее какой-либо вещи, вызывает к ней любовь: так мужчину красит обилие бороды, а женщину – гладкость кожи; так достоинство легавой – хорошее чутье, а борзой – быстрый бег. И чем достоинство значительнее, тем больше оно вызывает любви; хотя каждая добродетель в человеке и вызывает к нему любовь, однако достойнее любви в нем та добродетель, которая наиболее человечна, а это и есть справедливость, которая заложена только в разумной, иначе говоря, в интеллектуальной части человека, то есть в его воле. Справедливость же настолько достойна любви, что, как говорит Философ в пятой книге «Этики», ее любят и враги ее, как-то воры и грабители; поэтому мы видим, что ее противоположность, а именно несправедливость, как-то предательство, неблагодарность, ложь, воровство, грабеж, обман и им подобное, вызывает к себе величайшую ненависть. Это грехи настолько бесчеловечные, что подозреваемому в них человеку, дабы он мог себя оправдать, разрешается по древнему обычаю говорить о самом себе, как было сказано выше, и заявить о своей честности и правоте. О справедливости я более подробно скажу ниже, в четырнадцатом трактате, здесь же, ограничиваясь этим, возвращаюсь к своему предмету. Итак, доказано, что достоинство наиболее существенное для вещи более всего в ней и заслуживает любви; и, чтобы показать, какое именно достоинство для нее наиболее существенно, надо рассмотреть, какое более достойно любви и наиболее восхваляемо. Во всем, что касается речи, наиболее достойна любви и наиболее восхваляема способность сообщения мысли; в этом и заключается первая ее добродетель. А так как она присутствует в нашем народном языке, что было ясно показано выше, в другой главе, то очевидно, что достоинство это и явилось одной